

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг	Колодец забытых желаний
Большое зло и мелкие пакости	От первого до последнего слова
Хроника гнусных времен	Жизнь, по слухам, одна!
Одна тень на двоих	Там, где нас нет
Подруга особого назначения	Третий четверг ноября
Развод и девичья фамилия	Тверская, 8
Персональный ангел	На одном дыхании!
Пороки и их поклонники	Всегда говори «Всегда»
Миф об идеальном мужчине	Сразу после сотворения мира
Мой генерал	Где-то на краю света
Первое правило королевы	Сто лет пути
Седьмое небо	Ковчег Марка
Запасной инстинкт	Чудны дела твои, Господи!
Богиня прайм-тайма	Шекспир мне друг, но истина дороже
Олигарх с Большой Медведицы	Вселенский заговор
Близкие люди	Вечное свидание
Закон обратного волшебства	Ждите неожиданного
Дом-фантом в приданое	Селфи с судьбой
Саквояж со светлым будущим	Земное притяжение
Пять шагов по облакам	Призрак Канта
Гений пустого места	Звезды и Лисы
Отель последней надежды	Девчонки, я приехал!

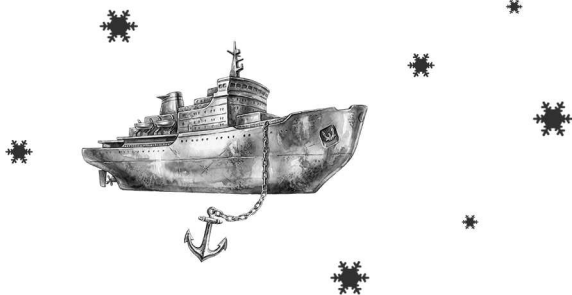
Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

Татьяна
УСТИНОВА

Девчонки,
я приехал!

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Девчонки, я приехал! / Татьяна Устинова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-233085-8

После внезапной трагической смерти отца юная Надинька осталась круглой сиротой. Она потеряла еще и дом, в котором жила всю жизнь. Теперь у нее есть только верная няня Агаша и любимый Сереженька.

Сереженька, Сергей Ильич, так поглощен особо важным проектом — он занят на строительстве первого в мире атомного ледокола «Ленин», что так редко звонит из Ленинграда. И бедная няня Агаша толком не верит в существование жениха, потому что никогда его не видела.

А тут еще к объективным трудностям жизни молодых людей добавляются проблемы, созданные недоброжелателями: талантливый инженер Сергея с его новаторскими идеями объявляют вредителем.

Кому и зачем нужна эта травля? И будут ли молодые вместе?

В сборник входят повесть «Девчонки, я приехал!» и рассказ «Волшебный свет».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233085-8

© Устинова Т.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

Девчонки, я приехал!

ВМЕСТО ЛИШНИХ СЛОВ...

Он был необыкновенный красавец — вот просто удивительно!.. Инженер, человек исключительно состоятельный — у него имелось целых два пальто, зимнее и демисезонное. На химическом заводе в Сталиногорске он служил начальником цеха, а она в этом же цехе лаборанткой. Она — лукавая, кудрявая, на щеках ямочки — училась в техникуме и была очень строга, никаких кавалеров! Работа, служение, «прежде думай о Родине, а потом о себе»!

Собственно, они так и жили — сейчас почти невозможно себе представить эту их жизнь! С комсомольскими собраниями, сверхурочной работой в пользу голодающих, Рот-Фронтом, теснотой коммунальных квартир — и железной убеждённости, что они живут прекрасно и в самой лучшей в мире стране!

Они — мои дед и бабушка.

Мне страшно хотелось придумать — именно придумать! — и написать историю не то чтобы о них, я не умею писать документальных романов, а о том, как жили люди, которым на самом деле было важно могущество и процветание державы, которым интересно было учиться, которые старались изо всех сил — ради общего блага.

«Общее благо» — какие давно забытые и странные слова, правда? Каждый за себя — такое и в голову никому не могло прийти... тогда.

А ещё мне очень нравятся корабли. Вся история цивилизации — это история кораблестроения. Только научившись их строить, человечество сумело... оглядеться по сторонам, познакомиться с соседями, узнать, какие книги читают в Александрии, а какие в Афинах!..

Эта книжка — про любовь, корабли, шпионов, про энтузиазм, доброту, радость жизни.

Она про всех тех, кто живёт, думая не только о себе и о том, как бы теплее устроиться.

Она о том, что мир огромен и прекрасен и в нём есть любовь.

Я очень рада, что её написала.

Татьяна Устинова

Осень 1956 года, Москва

— Грехи наши тяжкие, что ж теперь будет, что будет?..

— Что ты там бормочешь, Агаша?

Агаша поправила на голове платок.

— Так, сама с собой я... Ну что, поглядели?..

Полная дама с мальчишкой на буксире ещё раз пощупала мануфактуру.

— Да чего там, — с сердцем сказала Агаша. — Совсем новый костюм-то, Пал Егорыч его за неделю до смерти получил! Дочка заставила... Если б не Надинька... — Глаза у женщины налились слезами, но она сдержала себя.

Полная дама кивала сочувственно, потом вытянула из кармана носовой платочек и приложила к сухим глазам.

— Как же вы теперь будете, Агаша? Надинька круглой сиротой осталась, мать у неё в каком году померла? В сорок четвёртом?

Агаша вздохнула.

Соседка вовсе и не собирается брать костюм. Остановилась просто так, поговорить, выведать что-нибудь. Соседки, они такие, им бы только поразнюхать, а ещё месяца нет, как Павла Егоровича схоронили!

Видно, в Москву придётся ехать, там костюм продавать. Здесь, на станции, толкучка маленькая, совсем пятак, а костюм дорогой, бостоновый. Агаша уж третий раз к московскому поезду выносит, а ни с места: в тот раз доктор Рогов остановился, тоже всё щупал, потом ферт какой-то приценивался, вовсе не знакомый, как пить дать писатель, что у самого перелеска живёт, нового секретаря взял!

Сегодня вот соседка остановилась. Да ещё, как на грех, Агаша забыла, как её звать-величать! Мальчонка вроде Вилен — стало быть, «Владимир Ильич Ленин», — в посёлке Вовкой кличут, а сама?..

...Продать бы костюм. У Надиньки боты совсем развалились, в туфельках по лужам бегает, да и тем скоро конец, они уже латаны. А деньги, что от Павла Егоровича

остались, почти все вышли. Агаша девочке про деньги ни слова не говорила, конечно. Той тоже взять негде!

...Как жить? Вот как?

Осень 1956 года, Ленинград

— Товарищи! Дорогие товарищи! — Директор завода перевёл дух, в горле совсем пересохло.

Далеко внизу, перед трибуной, наспех собранной на платформе стапельного крана, колыхалось, шумело, едва удерживаясь в берегах, чёрное людское море.

Митинг организовали в честь постройки атомного ледокола «Ленин», который был заложен 17 июля 1956 года на Южном стапеле Адмиралтейского завода в Ленинграде.

Постройка ледокола с атомной установкой — на тот момент вещь неслыханная, почти невозможная. Необходимо было придумать совершенно новую технологию и организовать работы, начиная с нуля.

— Наша родная партия, наше советское правительство во главе с товари-

шем Хрущёвым ждут, что мы оправдаем оказанное нам доверие, не посрамим честь адмиралтейцев, всего завода! Двадцатый съезд, как вы знаете, нацелил советскую науку на проектирование атомных силовых установок для самого большого атомного ледокола в мире! И мы гордимся, что создание ледокола поручено именно нам, Адмиралтейскому заводу! Не посрамим, товарищи! Оправдаем!..

Людское море у подножия крана всколыхнулось, загудело взволнованно, вверх полетели кепки и картузы, раздалось могучее «ууурааа!», словно ветром принесённое из моря.

Парторг ЦК кивал и улыбался. Директор во время своей речи краем глаза то и дело посматривал на него — одобряет или нет.

Руководил проектом создания ледокола физик-ядерщик академик Александров, инициатором создания судовой ядерной установки стал Игорь Курчатов. Под руководством Александрова и Курчатова молодые учёные выполнили расчёты атомного реактора. Генеральным проектировщиком атомохода было назначено ЦКБ «Айс-

берг», главным конструктором стал Василий Неганов.

— Сейчас, товарищи, слово представляется бригадиру судосборщиков товарищу Андрееву Тимофею! Поприветствуем!..

— Полярный гигант, — заговорил Андреев Тимофей, комкая в руках кепку, — который мы будем создавать вот этими самыми руками, товарищи, не только покорит арктические льды, но и станет флагманом всех флотов на земле! Наша бригада уже сейчас, товарищи, готова взять на себя повышенные обязательства и пообещать руководителям партии и правительства, лично товарищу Хрущёву работать по-новому, по-коммунистически!..

— Погодил бы ты, Тимоха, с обязательствами, да ещё повышенными, — пробурчал в спину Андрееву старый мастер дядя Коля Логунов. Он стоял на трибуне позади всех. — Ить позору не оберёшься! До сих пор не объявили, как разметчики работать будут, на каком стапеле собирать станем!

Парторг ЦК оглянулся и поискал взглядом говорившего. Директор завода

тоже оглянулся и незаметно погрозил дяде Коле кулаком.

Тот продолжал как ни в чём не бывало:

— А чего ты тут мне сигнализируешь? Как такую махину на плазе разбивать? Иде мы такой плаз возьмём! Обязательства, да ешшо повышенные! — передразнил он.

— Ти-ха! — не выдержал директор.

— Могу и помолчать, — не унимался дядя Коля. — А тока от митинга ентого ничё не изменится. Новый плаз сам собой не построится! Да у нас в заводе и площадей эдаких нету!..

Газорезчик Макаров дёрнул дядю Колю за полу тужурки. Тот махнул рукой с досадой.

Митинг подходил к концу, внизу, в людском море, уже затянули: «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!..»

Борис Смирнов, молодой, только что окончивший курс инженер, спрыгнул с бетонного блока, пошёл было в сторону заводоуправления, но сообразил, что, возможно, там никого и нет в этот час, и спросил у кого-то из судосборщиков, не видал ли тот Сергея Ильича.

— Да он вроде в КБ. — Судосборщик сунул в зубы папиросу, вытянул из кармана коробок и стал отчаянно чиркать. Спички шипели, дымили и никак не зажигались. Инженер поднёс судосборщику зажигалку. Со всех сторон их толкали расходившиеся по рабочим местам люди.

— Как?! А митинг?

— На митинге и без него обошлись, а вот в КБ не обойдутся! Бывай здоров! — И судосборщик резко свернул в сторону своего участка.

Постройка атомного ледокола требовала изготовления уникального энергетического оборудования, создания корпуса небывалой до сих пор прочности, полной автоматизации управления энергетической системой.

Множество сложных технических вопросов предстояло решать совместно учёным, инженерам, техникам и рабочим в предельно сжатые сроки.

Борис побежал в сторону КБ.

Старое здание заводской конторы, переименованное в конструкторское бюро, как только стало ясно, что на Адмиралтейском заводе будут собирать атомоход — вот дела, вот сила! — фасадом выходило

на пустырь, за которым начинался плаз, а торцом на залив. Окна в новоиспечённом КБ были узкие, с частым переплётom и закопчённые до невозможности. Конструкторы всё время жаловались, что невозможно чертить — темно.

В институте Борису казалось, что КБ — это нечто просторное, светлое, залитое миллионом огней, непременно из стекла и бетона, и обязательно странной, особой формы, например, круглое или треугольное. Ну не может дореволюционный двухэтажный дом красного кирпича с чугунной лестницей именоваться гордым и современным названием «конструкторское бюро»! И тем не менее именовался.

Борис потянул на себя тяжёлую деревянную дверь, немного постоял, чтобы глаза привыкли к полумраку, и, громко топя, ринулся на второй этаж. Чугунная лестница гудела.

Сергей Ильич и вправду оказался на рабочем месте. Он что-то быстро писал на обратной стороне «синьки».

«Синькой» называлась шершавая неровная голубого цвета бумага, на которую специальный аппарат копировал чертежи. Белой бумаги было не достать, инженеры

и конструкторы писали на отработанных «синьках».

— Сергей Ильич, — с ходу начал Борис, пробираясь между столами и кульманами, — вы что, на митинге не были?! Вот зря вы, Сергей Ильич! Там так говорили! Так народ зажётся! И про то, что мы первые в мире будем и что Арктика теперь наша! И что предстоит ударная работа по всем фронтам!

Сергей Ильич кивал, но от своих записей не отрывался.

Борис даже рассердился немного.

— И про Антарктиду говорили, — продолжал он упрямо. — И про Двадцатый съезд партии.

Сергей Ильич принялся энергично стирать ластиком написанное. Была у него такая привычка — писать карандашом, а потом стирать, чтоб бумагу экономить. От движения очки прыгали у него на носу.

— Посчитай мне ударную вязкость вот этой штуковины, — сказал он, перестав стирать, — только быстро.

Борис подошёл и посмотрел в бумаги.

— А что это за штуковина? — спросил он, рассматривая чертёж.

Сергей Ильич поправил съехавшие на кончик носа очки.

— Ты втуз когда закончил?

— В прошлом году.

— У тебя диплом инженера?

— Да!

— Тогда посчитай и не задавай глупых вопросов.

Борис, продолжая рассматривать чертёж, поволок его к своему столу. Все работники сидели в одном помещении, хотя Сергею Ильичу, как начальнику, был положен отдельный кабинет. Но его «отдельный кабинет» находился почему-то в заводоуправлении, а КБ работало здесь, и Сергей Ильич на своё начальственное место даже не наведывался, сидел «с народом».

Некоторое время они работали молча.

Стали подходить после митинга инженеры и конструкторы.

Чугунная лестница гудела, раздавались весёлые голоса, кто-то из девиц, кажется, что-то даже пропел, но в дверях все замолкали, переглядывались и расходились по своим местам. Сергей Ильич не любил шума, и все об этом знали.

После митинга работать не хотелось, хотя там призывали именно к ударному

труду, вот ведь загвоздка!.. Хотелось громко говорить, петь, танцевать и гордиться собой и своей страной — какие вершины берём, хотя после войны всего десятилетка минула!

...Даёшь Арктику и Антарктику!..
Даёшь навигацию круглый год!..
Долой толщу тяжёлых льдов!..
Долой все преграды на пути к коммунизму!..

Но боялись Сергея Ильича.

Тот всё писал, черкал, стирал, потом поднял на лоб очки, потёр глаза, закурил и покрутил ручку телефонного аппарата.

— Дайте механический! Механический, алё! Макарова к аппарату позовите!

Пока звали Макарова, Сергей Ильич досмолил, смял в пепельнице окурочек и обвёл глазами свою молодёжь.

— Ну что, товарищи? — спросил зычно. — Хорошее настроение после митинга?

Все зашумели, задвигались, засмеялись и заговорили, из чего можно было сделать вывод, что настроение хоть куда.

— Вот и отлично. С боевым настроением и работа веселей пойдёт! — И в труб-

ку, громко: — Макаров, здорово! Можешь ко мне в КБ подойти? Я тут одну штуковину придумал, мне твой совет нужен.

Сергей Ильич любил «советоваться» с рабочим классом, молодым инженерам и конструкторам это очень нравилось в нём. А рабочие всё больше посмеивались.

— Борис, сделал?

— Да чего-то затёрло меня, Сергей Ильич.

Начальник выбрался из-за стола. Был он высок, широкоплеч, подтянут, про него говорили, что штангист, рекордов не ставил только по болезни глаз. Комсомолки были от него без ума, хоть он и в очках, и вообще начальство!..

— Ну, показывай, где затёрло!..

В мгновение ока Сергей Ильич перечеркнул расчёты Бориса, внизу страницы нацарапал свои, обвёл в кружок формулу, укорил беззлобно:

— То-то, брат!

И повернулся к вошедшему газорезчику Макарову:

— Подгребай к нам, Алексей. Бери стул, садись вот рядом с этим типом!

Сергей Ильич дал Борису лёгонький подзатыльник, это уже было обидно!

Начальник закурил новую папиросу, помахал пятернёй, разгоняя дым, и заговорил другим, деловым, жёстким тоном:

— Вот что мне от вас нужно, любезные други. Кто-нибудь пробовал обрабатывать нержавейку? Вот механически обрабатывать?

—хлопот не оберёшься, — подумав, сказал Макаров и тоже закурил.

— Вот именно. А от нас сейчас потребуется... — начальник КБ поискал слово, — скорость.

— Это уж точно, — усмехнувшись, согласился Макаров. — Гнать будем во все лопатки. Такое дело!.. Все начальники погонять станут, только держись!

— Я вот тут набросал схему. — Сергей Ильич протиснулся мимо Макарова и взял со своего стола «синьку». — Поглядите.

— Это чего ж такое? — с любопытством, как ребёнок, которому показали яркую картинку, спросил Макаров.

— Резак, — Сергей Ильич повернул «синьку» другой стороной. — Не заводской, обычный, а немного другой. Видите?

— Реза-ак? — протянул Макаров с недоверием. Борис так ничего и не понимал.

— Газофлюсовый резак, — кивнул Сергей Ильич. — Для нержавеющей. Значит, Боря, ты схему доводишь до ума. Вот Алексей тебе в помощь, он этих резаков в своей жизни несчитано перевидал! Чтоб к концу недели чертёж готового инструмента был у меня на столе. Это ясно?

Макаров молчал, курил — он начальнику КБ не подчинялся. Боря Смирнов промышчал невнятное.

— Вот и хорошо, — похвалил Сергей Ильич. — Давайте, давайте, за работу! Теперь вот что.

Он обвёл взглядом своих работников.

— Всем известно, что днище, борта, внутренние палубы, платформы и оконечности верхней палубы будут набираться по поперечной системе набора. А верхняя в средней части — по продольной. Вес каждой секции семьдесят пять тонн, таких секций двести. Нужно рассчитать три опытные секции, чтоб на них понять, как работать по сборке.

— Какие именно секции? — подал голос кто-то из конструкторов.

— Самые сложные, разумеется! Одну